

Том 5, № 2, 2021

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

**Проблемы цифрового развития
и публичного управления
в современном мире**

**Специфика цифрового управления
в контексте режимных трансформаций**

**Эммануэль Левинас и развитие теории
справедливости**

**Роль общественной экспертизы
в нынешних реалиях**

**Изменение институционального
ландшафта в современных США**

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Том 5, № 2, 2021

ISSN 2541-8351

Проблемы цифрового развития и публичного управления в современном мире

Учредитель: Межрегиональная общественная организация
«Гуманитарно-политологический центр "Стратегия"»

Главный редактор: Сунгуров А.Ю.
Редакция: Акопов С.В., Балаян А.А.
(ответственный секретарь), Горный М.Б.,
Тульчинский Г.Л., Щербак А.Н.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25/14, оф. 409
Телефон/факс: (812) 712-66-12,
e-mail: publicpolicyeditor@gmail.com
Электронная версия: <http://center-strategy.com>
ISSN 2541-8351

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65767 от 27 мая 2016 г.
Подписано в печать 14.03.2022 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 8,75.
Тираж 500 экз. Заказ 81131.
ООО «Типография АРСИ».
192236, Санкт-Петербург, ул. Б. Куна, д. 32.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	.....	7
<i>Тульчинский Г.Л.</i>	Цифровизация как фактор динамики политических режимов	9
<i>Томин Л.В.</i>	Кибернетическая модель управления: субъективации индивидов в социотехнологической среде «умного города»	17
<i>Froese U.</i>	We Need to Talk: Dismantling the Leviathan with Emmanuel Levinas.....	29
<i>Балобанов А.Е.</i>	Общественная экспертиза как форма публичной политики.....	44
<i>Ignatyev G.I.</i>	Paths of Institutional Change in the USA under Barack Obama and Donald Trump (2008–2020).....	65
Представляем кафедры и образовательные программы в области публичной политики		85

Томин Леонид

Кибернетическая модель управления: субъективации индивидов в социотехнологической среде «умного города»¹

Томин

Леонид Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Для цитирования:

Томин Л.В. Кибернетическая модель управления: субъективации индивидов в социотехнологической среде «умного города» // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 2. Doi 10.31856/2541-8351_2021_5_2_17

Аннотация

Статья посвящена исследованию кибернетической модели управления, доминирующего модуса функционирования власти в условиях цифровизации экономики и управления. Кроме того, на основе концепций Ж. Делеза и Ф. Гваттари сформулированы общие принципы рациональности управления и механизмы субъективации индивидов в социотехнологическом пространстве «умного города».

Ключевые слова: кибернетика, цифровизация, умный город, большие данные, Ж. Делез, Ф. Гваттари.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

Tomin Leonid

Cybernetic governance: subjectification of individuals in the sociotechnological environment of the "smart city"²

Tomin Leonid V. –

*Associate professor,
Department of political governance
Saint Petersburg University.*

*To contact the author:
leopolit@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of the cybernetic model of governance, the dominant mode of functioning of power in the context of digitalization of the economy and governance. In addition, on the basis of the concepts of G. Deleuze and F. Guattari, the general principles of governmentality and the mechanisms of subjectivation of individuals in the socio-technological space of the smart city are formulated.

Keywords: cybernetics, digitalization, smart city, big data, G. Deleuze, F. Guattari.

---

² This work was supported with a grant from the Russian Science Foundation (grant 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability”).

Введение

В дискуссиях последних лет о цифровизации экономики и управления в качестве основных концепций, определяющих теоретическую рамку для исследований, чаще других фигурируют работы Ш. Зубофф о «надзорном капитализме» [Zuboff 2019] и Н. Срничека о «капитализме платформ» [Срничек 2019]. Они предлагают успешно работающий инструментарий для анализа цифровой трансформации неолиберальной модели капитализма.

При немного различном описании генеалогии и особенностей функционирования новой экономической модели Ш. Зубофф и Н. Срничек согласны в главном: ее основа – это инфраструктура сбора и монетизации пользовательских данных. Многоуровневая цифровая инфраструктура извлекает массивы данных из взаимодействий человеческих и нечеловеческих акторов за счет включения в себя большей части физической инфраструктуры и колонизации повседневности индивидов [Couldry, Mejias 2019: 6–16].

Бизнес-модель «надзорного капитализма» («капитализма платформ») работает по принципу «победитель получает все» [Кин 2016: 45–51]. Сетевые эффекты в сочетании с отсутствием мер антимонопольного регулирования приводят к монополизации многих сфер экономики, концентрации и централизации капитала [Foster, McChesney 2014]. В результате основные противоречия и проблемы, присущие неолиберализму, дополнительно усиливаются и обостряются (дедемократизация, социально-экономическая поляризация, прекаризация занятости).

Динамика «надзорного капитализма» («капитализма платформ») оказывает влияние на политический процесс и публичную сферу, поскольку происходит усиление влияния платформенных компаний (Google, Facebook). Они контролируют доступ, регулируют правила и отчасти повестку значительных сегментов публичной сферы [Pasquale 2015: 64–78]. Непрозрачность алгоритмов и случаи деплатформинга (*deplatforming*) свидетельствуют о возникновении новых механизмов управления общественно-политической повесткой и форм частной цензуры.

Решением данных проблем не может быть модель «суверенного интернета» с госконтролем цифровой инфраструктуры или идея «приземления» платформенных компаний, обязывающая их полностью следовать требованиям, в том числе чисто политическим, существующего в стране режима. Авторитарная социотехнологическая модель управления (цифровая автократия), изначально сформировавшаяся в КНР и ряде стран Юго-Восточной Азии, стремительно распространяется по миру, политические элиты многих государств видят в ней инструмент стабилизации и воспроизводства существующего недемократического режима [Балаян, Томин 2020: 111].

Концепции «надзорного капитализма» («капитализма платформ») в целом предлагают работающий инструментарий для прикладных исследований, но, по нашему мнению, необходимо подробнее остановиться на трансформации модуса функционирования власти и практик управления. Для этого нужно сделать шаг назад и на время вернуться в область философии – в частности, политической онтологии и эпистемологии.

Политическая онтология цифровизации

Исследователи проблем цифровизации экономики и управления в последние годы находятся в поиске новой междисциплинарной методологии. Многие из них обращаются к идеям «нового материализма», прежде всего к акторно-сетевой теории (АСТ) [Сморгунов 2020: 129–131]. Представители акторно-сетевой теории выдвинули идею пересмотра оппозиций, лежащих в основе Модерна: «природа – культура», «субъект – объект» [Латур 2002: 224–230]. Метод подобной деконструкции проецируется ими и в сферу политики, где они призывают преодолеть разделение на «левые – правые», «прогрессисты – консерваторы» [Латур 2019: 83–92]. Они предлагают различные варианты радикального переопределения и пересборки категории политического, его пространства и состава акторов.

Использование методологии АСТ в исследованиях науки и технологий (*science and technology studies*) дало отдельные позитивные эффекты, – в частности, новый импульс получили дискуссии по онтологической и эпистемологической проблематике. Кроме того, были предложены интересные и убедительные образцы анализа отдельных кейсов [Каллон 2017; Де Лаэт, Мол 2017].

Однако представителям АСТ нечего добавить в дискуссию о происходящих в результате реформирования научных организаций в соответствии с неолиберальными принципами институциональных изменений и трансформации управленческой рациональности. Ф. Миrowsки в своих работах показывает эпистемологические причины невидимости для методологии АСТ структурных эффектов неолиберализма: коммерциализации науки [Mirowski 2012: 305–306], трансформации институтов, модели финансирования и условий труда ученых по бизнес-модели «капитализма платформ» в рамках проекта так называемой «открытой науки» (*open science*) [Mirowski 2018: 187–193].

Практика применения методологии АСТ для анализа проблем экономики и политики выявляет «эпистемологические препятствия» (термин Г. Башляра), не позволяющие концептуализировать важнейшие процессы и явления в данных сферах. Это следствие попыток теоретиков АСТ строить собственные концепции, отказавшись от проблематики критической теории (*critical theory*): противоречия Модерна («диалектика просвещения»), структуры гегемонии

и социальный антагонизм, конституирующий пространство экономических интересов, политических и идеологических позиций [Латур 2002: 229].

При исследовании политико-экономических проблем недостаточно, как предлагает Б. Латур, «следовать за акторами», необходимо анализировать институционализованные антагонистические системы, структуры власти и управления в различных политических режимах. В концептуальном поле АСТ нет места понятиям, с помощью которых можно объяснить их воспроизводство и трансформацию. Например, динамика и противоречия капитализма для различных направлений критической теории были центральным элементом их теоретических построений. Акторно-сетевая теория не способна объяснить связь экономики с полем политического (акторами, интересами), у нее отсутствует инструментарий для различения типов политического режима.

У «нового материализма» несколько источников, одним из них является философия Ж. Делеза и Ф. Гваттари. В статье мы попытаемся обосновать тезис о необходимости возвращения к идеям Ж. Делеза и Ф. Гваттари, поскольку авторы концепций «нового материализма» упустили важную часть их наследия, которая необходима нам сегодня для исследования политической онтологии цифровизации и трансформации власти в контексте «надзорного капитализма».

Концепции теоретиков «нового материализма» объединяет приверженность так называемой «плоской онтологии» (*flat ontology*). Согласно этому принципу, природа, социум и технологии имеют равный онтологический статус, ни одна из данных сфер не обладает привилегией быть главной детерминантой, позволяющей объяснять динамику и причины трансформации остальных. Б. Латур в своих работах называет это принципом ирредукции. Часть теоретиков «нового материализма» утверждает, что концепции Ж. Делеза и Ф. Гваттари можно отнести к разряду «плоских онтологий». Однако это не соответствует действительности, Ж. Делез и Ф. Гваттари в своих работах всегда постулировали тезис о первичности социальной организации («социальной машины») при исследовании различных явлений.

В работе «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» (1972) поднимается вопрос возникновения капитализма: почему он появился в Европе, притом что необходимый для этого уровень развития технологий существовал в Китае XIII в.? Обращаясь к вопросу, поставленному историком Ф. Броделем, Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают: «...почему Европа, почему не Китай? Рассуждая о дальнем плавании, Бродель спрашивает: почему не китайские или японские корабли или хотя бы мусульманские? Почему не Синдбад-мореход? Дело не в том, что есть дефицит техники, недостаток именно технической машины. Быть может, скорее само желание остается в тенетах деспотического государства, будучи полностью инвестированным в машину деспота?» [Делез, Гваттари 2007: 353].

Это утверждение необходимо рассматривать в контексте дискуссии среди марксистов о так называемом «азиатском способе производства» и особой организующей роли государства в экономике незападных стран. Ж. Делез и Ф. Гваттари отвергают экономический монизм и строгое разграничение элементов базиса и надстройки в структуре общественно-экономических формаций. Однако это не сближает их подход с акторно-сетевой теорией или критиками «экономического эссенциализма» (Э. Лаклау, Ш. Муфф), при анализе различных процессов они признают их сверхдетерминированность (*overdetermination*) экономической логикой.

В более поздних работах, анализируя принципы функционирования власти и формы сопротивления в контексте технологического развития капитализма, Ж. Делез пишет, что «легко найти соответствие каждому типу общества в типе машины. Не потому, что машины определяют тот или иной тип общества, но потому, что они лишь выражают собой те социальные формы, которые их производят и используют. Старые общества суверенитета использовали простые машины – рычаги, тяги, часы. Более поздние дисциплинарные общества оснастили себя машинами, использующими энергию, вместе с пассивной опасностью энтропии и активной опасностью саботажа. Общества контроля имеют дело с машинами третьего типа – с кибернетическими машинами и компьютерами, пассивная опасность которых – зависание, а активная – пиратство и внедрение вирусов. Эта технологическая эволюция отражает на более глубоком уровне мутацию капитализма» [Делез 2004: 230].

«Общество контроля»: кибернетическая модель управления

В статье «Post scriptum к обществам контроля» (1990) Ж. Делез выдвинул тезис: современные общества переживают парадигмальную трансформацию диспозитива управления и модуса функционирования власти. Происходит переход от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля» [Делез 2004: 226–227]. Концепция «дисциплинарного общества» М. Фуко разработана для обозначения управленческого диспозитива, сложившегося в период с конца XVIII до середины XIX в. Система власти в данном диспозитиве функционирует на основе нескольких ключевых элементов.

Во-первых, система локализации и контроля перемещения индивидов в жилых кварталах, изначально возникшая в период эпидемии, но ставшая впоследствии одним из механизмов повседневного управления [Фуко 2015: 240].

Во-вторых, специальные институты, дисциплинирующие тела, формирующие и воспроизводящие послушные («нормальные») типы субъективности (школа, завод, армия) или исключаяющие «опасные классы» (тюрьма, сумасшедший дом) [Там же: 166–170].

Власть в подобном типе общества в идеале должна действовать как автоматический механизм, распределяющий индивидов в пространстве и формирующий необходимые типы субъективности.

Переход от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля» – процесс длительный и несинхронный, существующие сегодня политические режимы (прежде всего автократии) сохраняют и продолжают использовать отдельные дисциплинарные институты и практики управления. На данном этапе важно зафиксировать трансформацию общей логики функционирования власти, когда элементы дисциплинарного общества будут структурно подчинены новой кибернетической модели.

Функционирование капитализма по сравнению с предыдущими общественно-экономическими формациями основано на непосредственном моделировании и производстве определенных типов субъективности [Lazzarato 2014: 8–10]. Становление кибернетической модели управления начинается с эпохи развития информационных технологий, на их основе формируется социотехнологическая система власти, в которой, помимо структур социального подчинения, существуют механизмы «машинного порабощения» [Делез, Гваттари 2010: 776–780].

Капитализм на уровне микрополитики действует по двойной логике субъективации – десубъективации, структуры социального подчинения осуществляют первое, механизмы «машинного порабощения» – второе. «Мы различаем машинное порабощение и социальное подчинение как два отдельных концепта. Порабощение существует, когда сами люди являются составными деталями машины, которую они компонуют между собой и с другими вещами (животные, инструменты) под контролем и руководством высшего единства. Но есть подчинение, когда высшее единство конституирует человека как субъекта, который относится к объекту, ставшему внешним, так что этот объект сам может быть животным, инструментом или даже машиной – тогда человек уже является не компонентой машины, а рабочим, потребителем» [Делез, Гваттари 2010: 776].

Кибернетическая модель власти основана на «рекуррентных и обратимых “человеко-машинных системах”, которые замещают прежние нерекуррентные и необратимые», отношение «между человеком и машиной осуществляется в терминах внутренней взаимной коммуникации, а не в терминах использования или действия» [Делез, Гваттари 2010: 778].

Анализ трансформации власти в контексте технологического развития капитализма демонстрирует различие теории ассамбляжа (*assemblage theory*) Ж. Делеза и Ф. Гваттари от акторно-сетевой теории Б. Латура. Последний фиксирует гибридный, а не исключительно социальный тип связности «группообразований», но оставляет без внимания структуры гегемонии

и их функцию воспроизводства определенных типов субъективности [Латур 2014: 43–51].

Кибернетика и неиерархическая модель управления

Возникает вопрос: почему новую модель управления называют кибернетической? Для ответа на него необходимо сделать небольшой экскурс в историю развития кибернетики. Классическая винеровская кибернетика исследовала, как отрицательная обратная связь может служить инструментом гомеостатического саморегулирования систем. Порядок, гармония и баланс виделись как неотъемлемые и желательные состояния системы. Кибернетика второго порядка (Х. фон Фёрстер, У. Матурана, Ф. Варела) фокусируется на положительной обратной связи, теории хаоса и теории сложности. Она основана на представлении о нелинейном характере динамики системы и существовании эмерджентных свойств [Krivy 2016: 9].

Винеровская кибернетика постулирует существование внешнего оператора, отвечающего за взаимодействие человека с машиной. Кибернетика второго порядка поставила под сомнение разграничение системы и внешней среды, постулировав, что открытая система включает внешнюю среду в себя. Система стала горизонтальной самоорганизующейся сетью, где не может быть внешнего оператора, существует лишь фигура наблюдателя. Наблюдатель всегда включен в сеть, он один из ее узлов, который не обладает привилегией внешнего «объективного» взгляда [Цоколов 2000: 155].

Система власти традиционно ассоциируется с иерархической, дисциплинарной системой, которой противостоят горизонтальные самоорганизующиеся сети гражданского общества. В политической науке в 1990-е гг. возникла концепция *governance*, или децентрализованная теория управления (термин М. Бевира). Ее авторы считали, что в результате процесса глобализации и неолиберальных реформ государства потеряли структурную целостность, став децентрализованной открытой совокупностью институтов и практик управления. Государство перестает быть главным субъектом управления, формируется «сетевая модель управления», где оно выступает в качестве координатора процесса принятия решений и аккумуляции ресурсов [Томин 2020: 134].

Возникло убеждение, что данные изменения ведут к формированию более демократичной постгегемонистской (*posthegemonic*) модели управления, где государственные ведомства, бизнес и гражданское общество совместными усилиями производят публичную политику. Д. Дэвис, опираясь на концепцию «интегрального государства» А. Грамши критиковал данную позицию и говорил, что временная потеря структурной целостности государства и необходимость координировать политику с другими акторами не означает децентрализации и демократизации процессов управления. Это не относительно

автономная модель координации (сетевое взаимодействие акторов), а специфическая модель неолиберальной гегемонии [Davies 2011: 104–106].

Кибернетика второго порядка описывает модели управления, где дихотомия «иерархия – сеть» становится нерелевантной, поскольку в ней власть функционирует как рекурсивная горизонтальная сеть. Исследователь цифровой экономики Э. Кин отмечает, что «власть никуда не исчезла. Она просто изменила свою форму, перейдя от вертикальной к рекурсивной кольцевой структуре» [Кин 2016: 56].

Французский активистский коллектив Тиккун (Tiqqun) в своих работах описывает трансформацию модуса функционирования власти после Второй мировой войны как переход от либеральной модели управления к кибернетической [Tiqqun 2020: 12]. Тиккун называет современный массовый тип субъективности Блумом – по имени героя романа Д. Джойса «Улисс». «В идеале кибернетическая редукция сделает Блума прозрачным проводником социальной информации. Империя с радостью будет презентовать себя как сеть, в которой каждый будет узлом» [Tiqqun 2010: 150].

Ж. Делез описал принципы функционирования экономики «больших данных» задолго до ее появления. Логика десубъективации в экономике «больших данных» функционирует посредством превращения индивидуума в дивидуума (узел в сети, сенсор), являющегося источником данных. «Мы больше не имеем дела с парой “масса – индивидуум”. Индивидуумы становятся “дивидуумами”, а массы – сэмплами, рынками и банками данных» [Делез 2004: 230].

Формирующаяся кибернетическая модель управления, опирающаяся на цифровую инфраструктуру и рекурсивные алгоритмические механизмы, не нуждается в сохранении всех существующих сегодня дисциплинарных иерархических структур. Наглядная иллюстрация данного тезиса в сфере трудовых отношений – технологии контроля наемных работников (таксист, курьер), используемые платформенными компаниями [Couldry, Mejias 2019: 153–154].

Идеология не исчезает, трансформируется механизм ее воздействия, интерпелляция индивидов работает не на основе сознания и идей, а за счет основанного на обработке больших данных «подталкивания» (наджинга) [Ranchordas 2020]. М. Кривы, описывает кибернетическую модель управления как «воздействие через реконфигурацию информационной и физической инфраструктуры», где власть «подталкивает» индивидов совершать (или не совершать) различные действия через «стимулы, производящие рефлекторные реакции, а не интерпретацию и рефлексию» [Krivy 2016: 16]

Социолог А. Лефевр утверждал, что в условиях капитализма при трансформации режима производства происходит формирование нового типа пространства. Основным местом производства нового типа пространства

являются города, их структура – зеркало, отражающее существующие производственные процессы и властные отношения [Лефевр 2015: 267–283]. В рамках цифровой трансформации экономики и управления город как социотехнологический ассамбляж становится пространством потоков прежде всего потоков данных. Индивид в этой сборке оказывается узлом общей сети, сенсором, передающим данные.

«Умный город» – это новый тип пространства и политико-экономическое ядро «надзорного капитализма». Физическое пространство города пронизано элементами цифровой инфраструктуры – в частности, рекурсивными алгоритмическими механизмами, функционирующими на основе обработки данных. Цифровая инфраструктура совершенствуется, ее дополняют технологиями биометрического распознавания, аудиомониторинга и аудиоанализа.

В этом пространстве действия индивида-потребителя находятся во власти инструментов цифрового мониторинга, и он всегда открыт к воздействию маркетинговых алгоритмов через «подталкивание» (наджинг). Дж. Крэри описывает данную трансформацию так: «...не существует ни одного момента, места или ситуации, когда нельзя было бы не покупать, потреблять или эксплуатировать сетевые ресурсы, происходит безжалостное вторжение не-времени 24/7 во все стороны социальной или личной жизни» [Крэри 2022: 38].

В рамках кибернетической модели управления логика маркетинговой системы цифрового мониторинга действий индивида и «подталкивания» (наджинга) интегрируется в государственные и городские цифровые платформы. Их место и роль в конечном счете зависит от характера политического режима в стране, в автократиях цифровая инфраструктура и платформы используются как механизм контроля государства над обществом или имитация механизмов участия и контроля за действиями властей.

Кибернетическая модель управления в сфере трудовых отношений сильно ограничивает автономию работника, формируется система «цифрового тейлоризма» [Ajunwa, Crawford, Schultz 2017]. Система постоянного мониторинга (и наказания) охватывает не только работников платформенных компаний – механизмы контроля и оценки активности труда за компьютером уже стали частью жизни офисных служащих.

Источники

Балаян А.А., Томин Л.В. 2020. Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний. – *Публичная политика*. Т. 4. № 2. С. 101–115.

Де Лаэт М., Мол А. 2017. Зимбабвийский втулочный насос: механика текущей технологии. – *Логос*. № 2. С. 171–232.

- Делез Ж. Переговоры. 2004. СПб.: Наука. 235 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург; М.: У-Фактория. 672 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2010. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург; М.: У-Фактория, Астрель. 895 с.
- Каллон М. 2017. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё. – *Логос*. № 2. С. 49–94.
- Кин Э. 2016. *Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные для собственной выгоды*. М.: Альпина Паблишер. 224 с.
- Крэри Дж. 2022. 24/7. *Поздний капитализм и цели сна*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 136 с.
- Латур Б. 2002. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир. – *Логос*. № 5–6 (35). С. 211–242.
- Латур Б. 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 384 с.
- Латур Б. 2019. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 202 с.
- Лефевр А. 2015. *Производство пространства*. М.: Strelka Press. 432 с.
- Сморгунов Л.В. 2020. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности в политике. – *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 6. № 2 (22). С. 122–133.
- Срничек Н. 2019. *Капитализм платформ*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 125 с.
- Томин Л.В. 2020. Политические сети в контексте неолиберальной правительности. – *Публичная политика*. № 2. С. 128–137.
- Фуко М. 2015. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс. 416 с.
- Цоколов С. 2000. *Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания*. Мюнхен: Phren. 333 с.
- Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. 2017. Limitless Worker Surveillance. – *California Law Review*. Vol. 105. P. 735–776.
- Couldry C., Mejjas U. 2019. *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford University Press. 353 p.
- Davies J.S. 2011. *Challenging governance theory. From networks to hegemony*. Policy Press. 200 p.
- Foster J.B., McChesney R. 2014. Surveillance capitalism. – *Monthly Review*. URL: <https://monthlyreview.org/2014/07/01/surveillance-capitalism/> (дата обращения: 10.11.2021).

Krivy M. 2016. Towards a critique of cybernetic urbanism: the smart city and the society of control. – *Planning theory*. Vol. 17. N 1. P. 8–30.

Lazzarato M. 2014. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of subjectivity*. Los Angeles: Semiotext(e). 280 p.

Mirowski P. 2012. The Modern Commercialization of Science is a Passel of Ponzi Schemes. – *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. Vol. 26. N 3–4. P. 285–310.

Mirowski P. 2018. The future(s) of open science. – *Social Studies of Science*. Vol. 48. N 2. P. 171–203.

Pasquale F. 2015. *The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Harvard University Press. 320 p.

Ranchordas S. 2020. Nudging citizens through technology in smart cities. – *International Review of Law, Computers & Technology*. Vol. 34. N 3. P. 254–276.

Tiqqun. 2010. *Introduction to Civil war*. Los Angeles: Semiotext(e). 231 p.

Tiqqun. 2020. *The Cybernetic Hypothesis*. Los Angeles: Semiotext(e). 169 p.

Zuboff S. 2019. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: PublicAffairs. 704 p.